

НИКАКИХ
ЗАПРЕТНЫХ
ТЕМ

Все персонажи и события этой книги вымышленны. Как и место действия. Любые совпадения случайны.

Часть первая

Глава 1

Она сидела на огромном нагретом солнцем валуне и смотрела на небо. Облака были похожи на клубки сахарной ваты. Хотелось протянуть руку, взять один и отправить в рот. Мари обожала сахарную вату. В детстве считала ее самым изумительным лакомством. Все меркло перед ней — и зефир, и конфеты, и пирожные, и даже мороженое.

У Мари уже начала ныть шея, и она опустила голову. Камни, быстрая речка, кусты, не изящные, но по-своему красивые горные цветы. Но все это так далеко внизу, что она не столько видела, сколько знала: все это там...

В горах было тихо. Мари специально забралась так высоко, чтобы побыть вдали ото всех и всего, особенно от звуков. Чуть ниже, если пройти пятнадцать минут и проехать три километра по горному серпантину, — люди, животные, машины. Голоса, смех, ор, лай, рычание моторов, гудки. Запахи бензина, еды, пота, псины...

Там, внизу, так много всего раздражающего органы чувств, а тут покой.

Мари откинулась назад. Сначала на локти оперлась, затем полностью легла на теплый камень. Закрыла глаза. Солнце припекало, но не жгло. В горах даже в полдень было комфортно. Воздух прохладен, а ветерок ласков.

Но это, конечно же, только летом. Зимой тут стужа. В тело будто иголки впиваются — так яростен мороз. Воздух, как заиндевелая вода — ее нельзя пить, а его вдыхать без муки, ветер же точно наждачная бумага, которой проводят по коже. Когда-то давно Мари провела ночь в горах. Снаряжения не было. А из теплой одежды только куртка с капюшоном. На ногах кроссовки, пусть и зимние. Был конец ноября, не самое холодное время, но она едва не лишилась нескольких пальцев на ногах, и обморозила лицо так, что сходила кожа.

Вспомнив о той ночи, Мари передернулась. С тех пор она возненавидела холод. И на зиму уезжала туда, где тепло. Не обязательно в тропики, хотя бы в места с умеренным климатом. Для нее плюс пять и мокрый снег лучше, чем бодрящий мороз, сугробы и яркое солнце!

Поэтому в тех краях, где она обитала этим летом, Мари не останется. Знает, каковы здесь зимы. А вот куда направится, еще не решила. Скорее всего, просто переместится чуть южнее. А возможно, полетит в Азию. Давно собиралась побывать во Вьетнаме. Там и климат мягкий, и жизнь недорогая...

Хотя последнее Мари мало тревожило. Деньги у нее водились.

Она решила немного подремать, но тут услышала голос...

Чистый, звонкий. Он звучал тихо, но отчетливо — в горах хорошая акустика. Голос принадлежал юноше, он уже ломался, но не стал мужским. Молодой человек пел. Исполнял псалом на латыни.

Мари поднялась с валуна, осмотрелась. Поблизости никого не было, что не удивило. Она предполагала, что тот, кто сейчас издает звуки, находится где-то внизу. Она даже догадывалась где. Когда она поднималась сюда, оставив машину в конце асфальтированной дороги, увидела ров-

ный участок, покрытый кустами дикого шиповника. Красивое место, наполненное ароматом цветов. Вот только у Мари была аллергия на пыльцу, и она ушла выше. Туда, где нет ничего, кроме камня и свежего горного воздуха.

Песнь не смолкала. Псалом лился и лился, улаждая слух Мари.

«Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam», — слышала она и переводила: «Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей». — «Et secundum multitudinem miserationum Tuarum, dele iniquitatem meam». — «И по множеству щедрот Твоих изгладь беззакония мои...»

Мари не знала латыни. Но этот псалом помнила наизусть. От начала и до конца. Она слышала его много раз...

Когда-то давно.

Думала, забыла уже, но нет.

Она стала подпевать невидимому певцу. И слезы потекли из ее глаз.

Нет, она не была набожной. Более того, считала себя атеисткой. Просто этот псалом... и этот голос... так похожий на тот, в который она влюбилась когда-то, будучи еще девчонкой... И эти горы... Все всколыхнуло в ней то, что давно, как казалось, забыто и уже не должно взбудоражить до слез...

Мари даже думала, что разучилась плакать. Не от горя или боли, а от счастья, умиления или светлой грусти.

Голос неожиданно оборвался. Но Мари знала, оставалось еще три строки псалма. Что помешало юноше допеть их?

Она слезла с валуна. Взяв рюкзак, стоящий поодаль, достала воду. Хотелось пить уже давно, но Мари лень было вставать. Она прислушалась. Пение не возобновилось. Увы. Но тут...

Вскрик! Затем грохот — это сорвался со скалы крупный камень. За ним посыпалось множество мелких.

Обвал?

Нет, не похоже.

Мари закинула рюкзак за спину и стала быстро спускаться. Но так как путь был не самым безопасным, она скорость сбавила. Еще не хватало упасть. Убиться не убьется, конечно, тут не самый крутой спуск, но колени или локти раздерет.

Наконец Мари достигла тропы. По ней идти легче. И если поторопиться, то до места, где растет шиповник, можно спуститься минуты за три. И она ускорилась.

Сначала она почувствовала аромат и только потом увидела кусты, покрытые ярко-розовыми цветами. За ними пологий спуск к ущелью. Мари чихнула. Ох уж эта пыльца! Зажав нос пальцами, она пошла через заросли. Она не знала, но чувствовала, юноша, что исполнял псалом, где-то здесь. И Мари не ошиблась.

Она увидела его совсем скоро.

Молодой человек лежал на камнях. Руки раскинуты, глаза смотрят в небо...

И глаза голубые-голубые!

Лицо красивое, с точеными чертами. В уголке нежного рта кровь. Она стекает тонкой струйкой на воротник сутаны. Сутана серая. Как и камни, на которых лежит юноша. Но более светлая, полиняла от частых стирок. И на ней, если не считать ворота, следов крови нет. А вот под головой молодого человека целая лужа — ударился о камни при падении и от этого умер.

Слезы, высохшие за то время, что Мари спускалась, снова выступили. И теперь слезы были жгучими, потому что вызвала их душевная боль. Как жаль этого мальчика... Юного, красивого, талантливого... Чистого...

И так похожего на того, кого Мари встретила в этом же месте много-много лет назад.

Глава 2

Прошлое

Мари яростно вытерла нос рукавом рубахи. Хватит реветь, сказала она себе. Полчаса, не меньше, слезы лют. Уже и глаза красные и нос распух. Мари сунула руку в карман и достала зеркальце. С недавних пор она всегда его таскала с собой. В период полового созревания Мари страдала от подростковых прыщиков, что покрывали лоб и щеки, обезображивая хорошенькое личико. Мари не могла на себя смотреться в зеркало без чувства омерзения. А так как руки постоянно тянулись к прыщам, чтобы выдавить их, она старалась как можно реже вглядываться в свое отражение. Но, после того как Мари стала девушкой, лицо очистилось. И она полюбила зеркала.

С внешностью Мари повезло... Ну, почти. Она признавала за собой только один недостаток: рост как у баскетболиста. Мари была выше всех в классе, даже мальчиков. И сколько бы ей ни говорили, что высокий рост — это достоинство, а не недостаток, Мари не слушала. Она не хотела ни по подиуму ходить, ни забрасывать мячи в сетки — ей предлагали и в модельном бизнесе себя попробовать, и в спорте. А для чего еще нужен высокий рост? Лампочки вкручивать, не вставая на табурет? Но она и в электрики подаваться не собиралась. Оставалось надеяться на то, что она в свои четырнадцать лет уже достигла максимального роста и больше не вытянется.

В остальном Мари была довольна своей внешностью. Да, фигура нескладная немного, но мама уверяла, что это пройдет. Пропорции-то уже хороши. А вот лицо прелестно без всяких оговорок: нежное, милое, с некрупными, но выразительными чертами и серо-зелеными глазами миндалевидной формы. И кожа хорошая — подростковые прыщики не оставили на ней следа. Волосы же, от

природы темные, с золотинкой, Мари выкрасила в оранжевый. А по челке пустила красные пряди. Родители, когда увидели ее новый образ, едва не упали в обморок. Но ругать не стали. Не то что за пирсинг в носу...

Мари потрогала ноздрю, в которой торчала сережка. Больно. Еще не привыкла к ней, и когда нос вытирала, задела. Отодвинув зеркало на расстояние вытянутой руки, Мари придирчиво осмотрела свое лицо. Все не так плохо, как она думала. Да, глаза и нос красные, но это скоро пройдет. Хорошо, что у нее ресницы черные, а то была бы сейчас на кролика похожа.

Мари убрала зеркальце и запрокинула голову так, что ветер обдувал лицо. Она все еще была расстроена и сердита, но уже не так, как полчаса назад. Она вдрызг разругалась с матерью и убежала в горы. Та, как всегда, начала учить ее жизни, Мари вспыхнула, наорала на нее и закончила свою гневную речь фразой: «Да пошла ты! Ты мне даже не мать!» Сейчас она раскаивалась в этом. Потому что это был удар ниже пояса... недостойный... запрещенный!

Да, ее родители не были ей родными. Они удочерили Мари еще крошкой. Все детство девочка пребывала в уверенности, что с папой и мамой они одной крови. Она даже была немного похожа на отца — цветом глаз и волос. Но когда Мари исполнилось десять, ей открыли правду...

Как же она плакала, узнав эту правду. Как кричала: «Зачем вы мне сказали?» А отец, более спокойный и выдержанный, чем мать, отвечал: «Ты должна знать. Это твое право».

С тех пор все пошло наперекосяк. Мари никогда не была пай-девочкой, а тут просто с цепи сорвалась. А как ее начинали отчитывать, тут же взывалась: «Так отдайте меня обратно в детдом, коль я вам не нравлюсь!»

Родители терпели. Они любили ее. Да Мари любила их... Просто редко это демонстрировала.

...Ее назвали Марианной в честь героини сериала «Богатые тоже плачут». В год, когда она появилась на свет, он шел по российским каналам и бил все рекорды популярности. Тогда ни ей одной дали имя Марианна. И ей еще повезло. Потому что родись она мальчиком, быть бы ей Луисом-Альберто.

Мать Марианны, зачавшая свое дитя от случайного любовника, была женщиной легкомысленной. Кроме сериалов ее увлекали мужчины и кутежи. Крохотную дочку она оставляла одну и отправлялась развлекаться. Впрочем, если она находилась дома, а по телевизору шел ее любимый сериал, Марианна все равно не могла на материнское внимание рассчитывать. Если девочка плакала, требуя еды, ее просто закрывали на застекленной лоджии, чтобы детские крики не мешали просмотру, а звук телевизора прибавляли.

Мать все ждала, когда Марианне исполнится полтора года, чтобы отдать ее в ясли, желательно круглосуточные. Увы, в том детском садике, что находился неподалеку от дома, принимали ребятишек только с этого возраста (а где-то, она слышала, и годовалых брали).

«Богатые тоже плачут» закончились. Им на смену пришла «Дикая роза». Затем «Просто Мария». Вот как раз в этот «простомариевский» период мама Марианны влюбилась. В красивого и порочного мужчину, напоминающего ей отрицательного персонажа мексиканского «мыла». Обаятельные мерзавцы ей нравились гораздо больше, чем положительные герои. Избранника матери звали Луисом (естественно, не по паспорту, такова была его кличка), и это придавало ему еще больше шарма. Жгучий брюнет с влажными глазами и модной тогда эспаньолкой сводил женщину с ума. Чем Луис беззастенчиво пользо-

вался. Сначала он подкладывал хорошенькую любовницу под своих друзей, затем под малознакомых мужиков, но уже за деньги. При этом женщина себя проституткой не считала. Да, она иногда спала с кем-то за деньги, но что в этом дурного? Это не плата, а благодарность за ласки. Ей, матери-одиночке, лишняя копейка не помешает.

Пока мама строила свою любовь и «карьеру», Марианна была предоставлена самой себе. Ее кормили, пусть и нерегулярно, мыли, переодевали и оставляли на долгие часы в кровати. Чтобы не орала, давали то водочки немного, то снотворного добавляли в смесь. Мать с ней не играла и не занималась. А вот Луис проникся к Марианне. Он часто бывал у своей любовницы дома и, когда приходил, тут же брал малышку на руки, играл с ней. Читал ей книжки и катал ее на своих мощных плечах. Жаль, ходить не учил. Марианна в годик этого не умела. Она только ползала, причем вяло, а когда ее ставили на ножки, тут же шлепалась на попку.

Из-за этого девочку не приняли в ясли, в те самые, куда берут с года. Сказали, что ребенок отстает в развитии и брать за него ответственность воспитатели не будут. И Марианна оставалась дома, большую часть времени проводя в кровати. Мать не считала это чем-то отвратительным. Жизни ребенка ведь ничего не угрожает! Выбраться она не может, игрушек, которыми можно пораниться, у нее нет, бутылочка с водой имеется, а от того, что попка вся в какашках, еще никто не умирал. Благо Марианна родилась на удивление здоровым ребенком. Никаких детских хворей, даже желтушки. В общем, проблемный малыш. Пусть и немного отстающий в развитии.

Марианне был год и два месяца, когда мать погибла. Она застучала своего любимого в объятиях другой. Завязалась потасовка. Луис хорошенько напододал взбесив-

шейся бабе, чтоб знала свое место. Но перестарался. Когда она попыталась вцепиться ему в лицо, толкнул с такой силой, что женщина отлетела на три метра и ударилась затылком об дверной косяк. Череп ее треснул и...

Нет, она умерла не сразу. Спустя шесть часов. Если бы Луис вовремя вызвал «Скорую помощь», женщину могли бы спасти. Но он бросил ее, истекающую кровью, и скрылся с места преступления.

А тем временем Марианна, вся мокрая и голодная, лежала в своей кроватке. Сначала только покряхтывала, она была терпеливым ребенком, затем начала плакать. Но к ней никто не подходил! Охрипнув, девочка стала выбираться из кроватки. Она и раньше пробовала это сделать, но у нее ничего не получалось. Борта высокие, а она такая слабенькая...

Но в этот раз ее старания увенчались успехом! Марианна смогла покинуть свой «загон». Вот только когда она перебралась через ограждение, то рухнула на пол. Больно ударилась ручкой и головой. И потеряла сознание.

Ее обнаружили спустя двенадцать часов. Милиционеры, нашедшие тело матери, приехали домой к покойной и увидели страшную картину. Крохотная девочка без движения лежала на полу. Из ее уха вытекала кровь. Кровью был пропитан рукав распашонки. Все думали, малышка мертва. Но она дышала. Срочно вызвали «Скорую». Марианну увезли. Диагностировали кроме сотрясения и сложного перелома руки истощение и частичную атрофию мышц ног.

Марианна пролежала в больнице два месяца, после чего ее перевели в дом малютки. Там-то ее и увидели будущие родители Анна и Сергей Андроновы, бездетная пара, отчаявшаяся завести своих детей. Оба с первого взгляда прониклись к девочке симпатией. Анну привлекло то, что Мари чем-то походила на ее мужа, а Сергея...

Он сначала не мог объяснить ни супруге, ни себе, чем эта тощая длинноногая девочка с торчащими в разные стороны волосами его зацепила. Была бы хорошенькой щекастой хохотушкой, тогда понятно. Ему всегда нравились такие детки, как Аленка с обертки шоколада. А Мари — ее прямая противоположность. И все же Сергею захотелось удочерить именно ее. Почему? Он долго в себе копался, пока не понял: как раз такая дочь у них родилась бы. Ни убавить ни прибавить. Не «оберточная» Аленка, а вот такая худая и серьезная, как они с женой, девочка. Причем с трудной судьбой. Ни его, ни жену жизнь не баловала. Хотя Аня и родилась в семье известного в узких кругах антиквара. Да только убили его, когда дочь в школе училась. А родители самого Сергея крепко выпивали, и он рос как сорная трава.

Когда Андроновым поведали историю Марианны, Сергей еще больше укрепился в своем желании удочерить ее. К счастью, Анна была с ним солидарна. И, оформив все документы, они стали приемными родителями Мари.

Андроновы тогда жили небогато. Но и не бедствовали, как многие в те годы. Анне в наследство от отца досталась хорошая коллекция антикварных безделушек, которую она, если наступало безденежье, понемногу разоряла, продавая что-то менее ценное. А Сергей занимался малым бизнесом. Дочь привезли в хорошую квартиру, купили ей все необходимое, стали исправно кормить и развивать. Не прошло и двух месяцев, как Марианна заговорила. Да складно как! А ходить и бегать она еще в доме малютки научилась.

Она быстро привыкла к родителям. Полюбила их. Особенно папу. Но первое слово, ее произнесенное, было, как это ни странно: «Луис». Мари совсем не вспоминала мать, а вот ее любовника часто. Пожалуй, то, как он подкидывает ее к потолку, стало самым ранним детским

воспоминанием. Ярким и счастливым. В своих самых радужных снах, тех, что оставляют приятное послевкусие после пробуждения, она взлетала ввысь и неизменно опускалась в сильные руки красивого черноглазого мужчины с эспаньолкой.

Папа разбогател, когда Марианна училась в пятом классе. Еще в прошлом году они жили так себе, а вот уже переезжают в загородный дом, меняют машины на люксовые, нанимают прислугу. Когда грянул кризис и многие мелкие бизнесмены разорились, Сергей поднялся. А все благодаря жене, которая каждую лишнюю тысячу рублей вкладывала в антиквариат. Его, пусть и не совсем законным путем, она продавала иностранцам, получала за это валюту. На нее-то в кризис Сергей и скупил обанкротившиеся малые предприятия, работающие в том же направлении, что и его. А когда положение на рынке более-менее стабилизировалось, Андронов их объединил и стал владельцем крупной фирмы по производству и продаже электрооборудования.

И вот, спустя три с половиной года, семья Андроновых полным составом уже отдыхала на Балканах. Кто победнее, в Турции и Египте, кто богаче — на личных островах, люди их круга — на Мальдивах и Лазурном Берегу. А они, семья Андроновых, на Балканах. Да не у моря — в горах. Того хуже, не в городе, в какой-то деревеньке. Сняли дом на все лето, а к морю ездили на машине на пару-тройку дней раз в две недели (а отец еще и в Москву летал раз в месяц). Всем такой отдых нравился. Даже Мари, хотя она ворчала, что в такой глуши только пенсионеры могут чувствовать себя комфортно. На самом же деле ей сразу же полюбились Балканы. И их скромный домик в окружении фруктового сада: в нем росли и киви, и гранаты, и лимоны. И горный пейзаж, и простая, но невероятно вкусная местная кухня, и